

Рецензии

УДК 81'366(049.32)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

Рецензия на книгу:

Алпатов В.М. Слово и части речи.

М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с.

Яков Г. Тестелец

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yakov_ts@mail.ru*

Аннотация. Новая монография В.М. Алпатова, посвященная типологии и теории основных морфологических единиц – слова и части речи, представляет собой продолжение и развитие его предыдущих работ в области морфологической теории, типологии и историографии лингвистических традиций. Монография состоит из Введения и трех глав, в двух первых – «Проблема слова» и «Проблема частей речи» – рассматриваются различия теоретических подходов, свидетельства независимых лингвистических традиций и психолингвистические данные. В третьей главе «Антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку» автор доказывает, что противопоставление словоцентрического и несловоцентрического подходов в морфологии отражает более общее различие между антропоцентричным и системоцентричным подходами к языку. Несмотря на ряд спорных моментов, монография В.М. Алпатова вносит значительный вклад в понимание структуры и типологии морфологических единиц, единства и многообразия языков и лингвистических теорий.

Ключевые слова: слово, часть речи, лингвистическая традиция, морфология, антропоцентризм

Для цитирования: Тестелец Я.Г. [Рец.]: Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 117–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

© Тестелец Я.Г., 2021

Book Review: Alpatov, V.M. (2018), *Slovo I chasti rechi* (Word and Parts of Speech), YaSK, Moscow, Russia

Yakov G. Testeleets

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, testelets@gmail.com*

Abstract. Vladimir M. Alpatov's new monograph addresses typological and theoretical issues related to the basic morphological units – word and parts of speech. It elaborates on his previous work on morphological theory, typology, and historiography of linguistic traditions. The monograph consists of an introduction and three chapters. The first two chapters, “The Problem of Word” and “The Problem of Parts of Speech” address the differences in theoretical approaches, evidence from independent linguistic traditions with particular reference to the Japanese indigenous linguistics, and data from psycholinguistic research. In the third chapter, “Anthropocentric and systemocentric approaches to language”, the author claims that the morphological logocentric and non-logocentric approaches are instances of the two more general approaches to language, respectively.

In spite of some criticism, the reviewer concludes that the monograph makes much progress in understanding the structure and typology of the morphological elements, and similarities and difference among national linguistic traditions and grammatical theories.

Keywords: word, part of speech, linguistic tradition, morphology, anthropocentrism

For citation: Testeleets, Ya.G. (2021), “Book Review: Alpatov, V.M. (2018), *Slovo I chasti rechi* (Word and Parts of Speech), YaSK, Moscow, Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 117-128, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

После большого перерыва [Алпатов 1979, Алпатов 1982, Алпатов 1990] вышло в свет новое исследование В.М. Алпатова в области морфологической теории и типологии. Книгу автор начинает с замечания, что слово и части речи – «вечные» проблемы лингвистической науки, и «многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом»¹. Как показано в книге, ни один из подходов к проблематичным понятиям до сих пор не привел к результату, который был бы принят большинством исследователей. Использовать «слово» и «части речи»

¹ Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 7 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

как элементарные понятия невозможно, потому что эти явления не обладают четкими границами. Разработка определений ведет к неправдоподобному умножению терминов и громоздким формальным конструкциям. Попытки перестроить теоретический аппарат и инструменты анализа таким образом, чтобы избавиться от «слова» и «частей речи», не привлекли большого числа сторонников.

Грамматические понятия можно разделить на 1) имеющие семантическую основу – например, «отрицание» или «одушевленность», 2) формальные – такие, как «словоизменительный тип» или «фонологическое слово», и 3) не являющиеся в точном смысле ни семантическими, ни формальными – например, «подлежащее» или «предложение». «Слово» и «части речи» относятся к третьему типу, т. е. к той части грамматики, которая опосредованно связана со звуками и со значениями и вызывает наибольшие разногласия. Несмотря на разногласия, по-видимому, не случайно, что одни и те же идеи возникали независимо в разных лингвистических традициях, из которых автор особое внимание уделяет японской.

Монография состоит из Введения и трех глав, и композиция двух первых – «Проблема слова» и «Проблема частей речи» – в основном одинакова: вначале рассматриваются различия теоретических подходов, затем приводятся свидетельства независимых лингвистических традиций, и в заключение обсуждаются психолингвистические данные. В третьей главе «Антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку» автор возвращается к тематике статьи [Алпатов 1993], см. также последние издания его «Истории лингвистических учений» [Алпатов 2019].

В первой главе разграничиваются словоцентрический и несловоцентрический подходы к языку. Первый основывается на предположениях, от которых европейская наука начала постепенно отказываться в XIX в.: слово не делится на части, это минимальная единица, обладающая значением, предложение определяется как соединение слов, и нет единиц, более крупных, чем слово, но меньших, чем предложение. Словоцентрический подход возможен и без этих предположений – как, например, у Э. Сепира или А.И. Смирницкого, – если слово остается основной единицей грамматического анализа. Словоизменение (склонение или спряжение) при словоцентрическом подходе предстает в соответствии с формой этого термина как регулярное изменение слова по определенным правилам, а не как механизм «сборки» сложных морфологических единиц из составных частей – основы и аффиксов.

Несловоцентрический подход характерен для лингвистики XX в. и восходит к И.А. Бодуэну де Куртенэ и Л. Блумфилду. Блумфилд и другие представители американского структурализма (де-

скриптивной лингвистики) довели до совершенства метод дистрибутивного анализа. Этот метод – выяснение свойств элемента путем изучения контекстов, в которых он может или не может выступать – по-видимому, применялся в лингвистике всегда, однако дескриптивисты постарались максимально освободить анализ от интуитивных оценок и свести грамматическую структуру к иерархии отрезков-составляющих, каждая из которых принадлежит к определенной категории (дистрибутивному классу); впоследствии разработанный ими формальный аппарат был унаследован генеративной теорией. Слово при таком подходе может сохраняться, например, как «минимальная свободная форма» по Блумфилду, однако теряет особый статус в иерархии составляющих-отрезков. В.М. Алпатов, по-видимому, справедливо связывает распространение несловоцентрического подхода с расширением типологического разнообразия исследуемых языков:

...интуиция [в выделении слова. – Я. Т.] здесь не могла помочь... необходимы были эксплицитные критерии, которые, как сразу выяснилось, легко не устанавливались (с. 19).

Вероятно, причина была еще в том, что в XX в. изменились задачи профессиональной коммуникации: стало гораздо больше лингвистических работ, адресованных не только читателям, знающим изучаемый язык, – отсюда и ориентация на морфему. Универсальность морфемы, в отличие от слова, не нуждается в проверке на выборке языков, так как следует из постулатов о двойном членении [Martinet 1960]² и о дискретности языковых единиц – тривиальных универсалий, или «признаков устройства языка» (design features of language) в понимании Ч. Хоккета [Hockett 1963]³.

Существующие определения слова В.М. Алпатов разделяет на 1) комплексные и универсальные, учитывающие много признаков; они интуитивно убедительны, но на их основе трудно делить текст на слова, поскольку значения признаков часто противоречат друг другу, и требуется особый громоздкий компонент определения, который устанавливал бы их иерархию; 2) универсальные определения, основанные на одном признаке, проще, но часто дают

² Пер. на русский язык: *Мартинет А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. 1963 / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1960. С. 366–566.

³ Пер. на русский язык: *Хоккетт Ч.Ф.* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии) / Ред. В.А. Успенский. М.: Прогресс, 1970. С. 45–76.

нетрадиционные результаты; 3) комплексные и не универсальные («понятие словоформы градуально и относительно, т. е. зависит от данного языка» [Мельчук 1997, с. 238]) соответствуют традиции и дают возможность членить текст, однако не позволяют сравнивать языки и не отвечают на вопрос, почему термин «слово» универсален; 4) заменяющие единое понятие «слово» на несколько единиц («слово вообще» просто не существует» [Яхонтов 2016, с. 114])⁴ – подход, который автор считает полезным, но противоречащим интуитивным основаниям грамматической традиции. Границы фонетических слов явно не совпадают с границами слов в традиционном понимании, и признаки единой просодической конструкции (например, ударения в русском языке), невозможности паузы, сингармонизма, внутренних и внешних сандхи и т. п. могут выделять разные отрезки. Понятие синтаксемы, или сочетания знаменательного слова с «относящимися к нему» служебными, на наш взгляд, надо признать неудачным применительно к аналитическим формам глагола, поскольку оно опирается на иллюзию структурного сходства синтетической и аналитической форм – служебный элемент последней воспринимается как аффикс «в свободном плавании», точка зрения А.М. Пешковского [Пешковский 1956 (1928), с. 40]. Синтаксический анализ, например, конструкций с аналитическими глагольными формами в русском (*будет исполнять*) или в английском языке показывает, что вспомогательный глагол слабее связан с полнозначным, чем полнозначный со своим дополнением, ср. «эффект крысолова» при релятивизации дополнения: *решение, [исполнять которое] они не будут*. Автор далее рассматривает основные сложности, с которыми сталкивается определение слова как минимального высказывания, а также морфологического, лексического и орфографического слова. Различаются флективные и агглютинативные морфологические слова, причем вторые образуются с помощью формантов – элементов, которые занимают промежуточное положение между аффиксами и служебными словами, но, в отличие от клитик, не отделимы [Алпатов 1985]. Автор рассматривает форманты и флексии теперь скорее как шкалу, чем как два отдельных класса, ср. [Алпатов 1979].

Из двух моделей морфологического описания, в терминологии Р. Робинса и Ч. Хоккета, «слово – парадигма» (Word and Paradigm) и «морфема – слово» (Item and Arrangement), – более удачным нам кажется перевод этих терминов у В.А. Плунгяна, соответственно «элементно-комбинаторная» и «словесно-парадигматическая» мо-

⁴ См. также: Морфологическая структура слова в языках различных типов / Ред. В.М. Жирмунский, О.П. Суник. М.; Л., 1963. С. 165–173.

дели [Плунгян 2003, с. 72] – несловоцентрический подход совместим только со второй. Модель «морфема – слово» лучше применима к агглютинативным языкам или, точнее, к агглютинативным морфологическим механизмам и вызывает затруднения на материале фузионных систем. Особый интерес представляет независимая японская лингвистическая традиция, возникшая в XVII–XIX вв., поскольку японский язык, как многие другие, проявляет фузию в глагольном формообразовании и агглютинацию или аналитизм в имени (примеров обратного соотношения в языках мира почти не засвидетельствовано), и соответственно этому было выработано два понятия: *го* – применительно к глаголу означает фузионный комплекс, основу с некоторыми наиболее «плотно» присоединенными аффиксами, и *бунсэцу* – знаменательное *го* со всеми примыкающими служебными элементами.

К наблюдению В.М. Алпатова о сосуществовании двух морфологических механизмов и, соответственно, двух видов единиц и двух традиционных моделей их описания в японском языке можно добавить, что сходные явления есть в дагестанских языках, где разграничивается осново- и формообразование. Глагольное основообразование использует средства, часто нарушающие линейную сегментацию: разрывные или разрывающие аффиксы, метатезы, удлинения, удвоения и неавтоматические стыковые чередования; при этом, видимо, не случайно границы основ обычно совпадают с границами реальных словоформ («изменение» слова). Дальнейшее усложнение основ, то есть формообразование, использует агглютинативную или аналитическую технику («конструирование» слова). Например, в хваршинском языке основа аориста от корней *g^wang^a*– ‘прятать’ или *ešt^a*– ‘пускать’ образуется с помощью суффикса *-ja* (ср. *k^wej*– ‘искать’ – *k^wej-ja* ‘искал’), который удваивает последний согласный, при этом сам превращаясь в гласный и разбивая кластер: *g^wan-i-gg-a*, *eš-i-t’-a*. В основе прохибитива кластер разделяется инфиксом *-o-*, причем добавляется суффикс *-ju*, который дает не удвоение, а метатезу: *g^wan-o-j-g-u*, *eš-o-j-t’-u*; в основе перфективного причастия на *-ja* тот же инфикс удлиняется: *g^wan-ō-j-g-a*, *eš-ō-j-t’-a*; ср. образованную от последней формы конструкцию временного конверба *eš-ō-j-t’-o-q’ar-ā’o* ‘когда отпустил’ с грамматикализированным существительным *q’aru* ‘срок, время’ и четкой линейной сегментацией. В арчинском языке основа несовершенного вида, совпадающая с формой общего времени, или, в терминологии А.Е. Кибрика, констатива, образуется в том числе с помощью нелинейных средств: разрывного аффикса *...-r-...-r* и редупликации: *qa* ‘замерз’ (аорист, совпадающий с основой совершенного вида) – *qe-r-qi-r* ‘мерзнет’ (констатив); ср. образованную

от этой основы аналитическую форму заглазного отрицательного имперфекта с агглютинативными суффиксами деепричастия несовершенного вида *-ši*, деепричастия совершенного вида *-li*, отрицания *-t'u* и двумя служебными глаголами: *qe-r-qi-r-ši edi-li i-t'u* 'оказывается, не мерз' [Кибрик и др. 1977, с. 90] – как можно видеть, в формообразовании и аффиксы, и служебные слова линейно четко отграничиваются и от основы, и друг от друга.

Несмотря на то что несловоцентрические подходы упрощают анализ огромного разнообразия грамматических явлений, В.М. Алпатов показывает правомерность словоцентрического подхода, ссылаясь на исследования афазий и детской речи, в том числе в японском языке, где сохраняют цельность единицы, близкие к традиционному *go*.

Приводимая автором психолингвистическая аргументация базируется на данных о памяти и производстве речи, однако, на наш взгляд, структура и типология грамматических единиц может быть в большей степени объяснена механизмами восприятия речи [Hawkins 2004], причем не только звуковой, но и письменной, поскольку все лингвистические традиции, за возможным исключением индийской, возникли на основе чтения и изучения письменных текстов. То, что в китайской традиции наименее разработанной областью оказалась морфология, видимо, связано с тем, что китайский язык и письмо не создавали трудностей для сегментации, потому что в древнекитайском языке границы основных единиц совпадали: базовое понятие 字 *цзы* означало и иероглиф, и тонированный слог, и слово. Возможно, словоцентрический подход ориентирован на единицы, которые требуют цельного (параллельного) восприятия или «одновременного отслеживания» (*crowding*) составляющих элементов-стимулов, а различия при таком подходе воспринимаются как контекстно обусловленные свойства одного и того же объекта, в то время как несловоцентрический подход ориентируется на составные объекты, которые предполагают механизмы последовательного (серийного) восприятия, «разбора» по частям.

К числу упомянутых автором недостатков несловоцентрического подхода можно добавить чрезмерное использование нулевых аффиксов. Принцип последовательной сегментации требует, чтобы каждый элемент значения был ассоциирован с определенным сегментом и в том числе – чтобы каждая граммема соответствовала аффиксу, выраженному или нулевому. Это приводит, особенно в агглютинативных и полисинтетических языках, к интуитивно не убедительному умножению нулей, которые в таких языках обычно соответствуют неопределенным или немаркированным значениям

морфологических категорий [Яхонтов 2016], и поэтому необходимость таких нулей вызывает сомнение.

В начале второй главы («Проблема частей речи») рассматривается связь частей речи с проблемой слова и история частей речи в европейской традиции. Здесь наиболее интересно то, что универсалистский подход в том или ином варианте редко ставился под сомнение – только у Ф. Боаса и Э. Сепира, и даже дескриптивисты, отвергавшие грамматические универсалии, сохраняли части речи в той мере, в какой их наличие подтверждалось дистрибутивными свойствами слов. Глава включает экскурс о нестандартных частях речи русского языка (к списку их можно было добавить идеофоны, близкие по свойствам, но не совпадающие с существительными, ср. в классическом русском переводе «Винни-Пуха» А. Милна, выполненном Б. Заходером: *Это жжжжж неспроста!* (орфография переводчика) при невозможности **Жжжжж неспроста!*). В главе дается характеристика частей речи как морфологических, семантических и синтаксических классов. Особый раздел посвящен частям речи как дистрибуционным классам – хотя он имеет смысл только в рамках модели «морфема – слово», а в таком случае все классы, определяемые на других основаниях, оказываются разновидностью дистрибуционных, поскольку их выделение так или иначе основывается на различии контекстов – даже семантическое противопоставление прилагательных и существительных, анализируемое А. Вежбицкой, типа *красивая* и *красавица*, выявляется только в контексте, а не путем непосредственного сопоставления обозначаемых объектов. Рассматривается много обсуждаемая в последнее время проблема языков без частей речи (древнекитайский, некоторые австронезийские, мунда, вакашские, адыгские) – по-видимому, в большинстве их тонкие различия, соответствующие традиционному противопоставлению существительных и глаголов, все-таки могут быть выделены подобно тому, как в большинстве языков так или иначе проявляются в грамматике, например, различия действий и состояний или одушевленных и неодушевленных объектов. Возможно, универсальность некоторых категорий не предполагает, что они определяют основные параметры структуры любого языка.

Один из самых интересных фактов, связанных с частями речи, – то, что противопоставление имени, глагола и частицы, по-видимому, независимо было обнаружено в европейской, древнеиндийской, арабской и японской традициях. В.М. Алпатов предполагает, что реальность и универсальность частей речи может быть обоснована психолингвистическими исследованиями, и в данном случае подчеркивает роль механизмов восприятия речи – морфологических сигналов-распознавателей, помогающих идентифицировать грам-

матические структуры и слова. Недостаток второй главы – отсутствие даже упоминания о распространении частеречной классификации на синтаксические единицы – фразовые категории, свойства которых определяются классами их лексических вершин, – группа существительного (именная группа), предложная (последложная) группа, глагольная группа, группа прилагательного, группа подчинительного союза (придаточное предложение) и т. д. Особая роль частей речи в синтаксисе состоит в том, что именно частеречные признаки вершин определяют свойства грамматических словосочетаний (phrases), возглавляемых этими вершинами. Проблема универсальности грамматических классов слов, таким образом, неотделима от проблемы универсальности классов словосочетаний.

Заключительная глава монографии посвящена сопоставлению «антропоцентричного» и «системоцентричного» подходов к языку, которые, как предполагает автор, лежат в основе соответственно словоцентрического и несловоцентрического подходов в морфологии. Антропоцентричный подход предполагает взгляд носителя изучаемого языка и обслуживаемой им культуры изнутри определенной традиции; некоторые ключевые понятия и предпосылки интуитивны и не обсуждаются. Системоцентричный подход возник не позже конца XIX в., когда теория стала учитывать разнообразие языков и потребовалось ориентироваться на методологию естественных наук и свести к минимуму роль интуиции. Антропоцентризм проявляется и во влиянии родного языка лингвиста – например, когда из теоретических альтернатив выбираются те, которые для этого языка оказались успешными.

Понимание главы затруднено тем, что под «антропоцентризмом» фактически подразумеваются разные вещи: 1) отказ от противопоставления «внутренней» и «внешней» лингвистики по Соссюру (ср. «языковая способность в узком и в широком смысле» в последних работах Хомского), т. е. признание того, что устройство языка обусловлено множеством факторов, которое не может быть априорно ограничено; 2) использование интуиции в работе лингвиста – фактически ее роль всегда велика, но трудность здесь в том, что интуитивный фактор, который становится предметом рефлексии, обсуждения и оценки, тем самым уже «видим» для позитивистской методологии и переходит из «антропоцентричных» в «системоцентричные»; 3) национальную лингвистическую традицию и влияние родного языка исследователя. К «антропоцентризму» можно причислить – хотя В.М. Алпатов этого не делает, – и отрицание любого упрощения задачи, исключения факторов, схематизации и т. п. – есть влиятельные научные направления, которые требуют полностью учитывать то, что в советском языкознании на-

зывалось «реальные свойства языка во всей их сложности и противоречивости». Процитированная формулировка [Филин 1970, с. 23] не была, как можно подумать, официальным пустословием, она отразила реакцию на «системцентризм» Соссюра, которая, как показано в [Алпатов 2019], со времени выхода «Курса общей лингвистики» во многом определила и по-прежнему определяет основные дискуссии не только в советской и российской, но и в мировой лингвистике.

Кроме критических замечаний, высказанных выше, можно указать на пару неточностей. Трудно представить себе «грамматики, написанные с позиций генеративизма» (с. 7), обходящиеся без частей речи, т. е. терминальных категорий вида N (существительное), Adv (наречие), P (предлог) и т. п., и без слов, т. е. единиц словаря, которые участвуют в деривации предложений; примеров таких грамматик автор не приводит и, возможно, имеет в виду, что единицы генеративного словаря не всегда соответствуют словам в традиционном понимании. Нельзя согласиться с тем, что рекурсивные модели неприменимы не только в морфологии (где рекурсивность встречается редко), но и вообще в науке:

Рассмотрение сложного слова как состоящего из слов, восходящее еще к античности, противоречит обычным принципам науки: не принято же считать, что молекула состоит из молекул, а атом из атомов (с. 51)

– синтаксис, как известно, имеет дело с единицами «матрёшечно-го» типа, которые могут включать в себя единицы того же класса.

Монография В.М. Алпатова в небольшом объеме суммирует огромный типологический и историографический материал. Она представляет собой значительный шаг вперед в понимании структуры и типологии морфологических единиц, единства и многообразия языков, моделей грамматики и лингвистических теорий.

Литература

-
- Алпатов 1979 – *Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979. 149 с.
- Алпатов 1982 – *Алпатов В.М.* О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66–73.
- Алпатов 1985 – *Алпатов В.М.* Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» // Лингвистическая типология / Ред. И.Ф. Вардуть, В.М. Солнцев. М.: Наука, 1985. С. 92–101.

- Алпатов ред. 1990 – Части речи. Теория и типология / Ред. В.М. Алпатов. М.: Наука, 1990. 267 с.
- Алпатов 1993 – Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Алпатов 2019 – Алпатов В.М. История лингвистических учений. 5-е изд. М.: Юрайт, 2019. 452 с.
- Кибрик и др. 1977 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. Таксономическая грамматика. М.: Изд-во МГУ, 1977. 316 с.
- Мельчук 1997 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово / Пер. с фр. М.; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997.
- Пешковский 1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 510 с.
- Плунгян 2003 – Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: УРСС, 2003. 384 с.
- Филин 1970 – Филин Ф.П. О некоторых философских вопросах языкознания // Ленинизм и теоретические вопросы языкознания / Ред. Ф.П. Филин и др. М.: Наука, 1970. 382 с.
- Яхонтов 2016 (1963) – Яхонтов С.Е. О значении термина «слово» // Проблемы китайского и общего языкознания: К 90-летию С.Е. Яхонтова / Ред. Е.Н. Колпачкова. СПб.: Студия НП-Принт, 2016. С. 109–116.
- Hawkins 2004 – Hawkins J.A. Efficiency and Complexity in Grammars. Oxford: Oxford University Press, 2004. 303 p.
- Hockett 1963 – Hockett Ch.F. The Problem of Universals in Language // Greenberg J.H. (ed.). Universals of Language. Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1963. P. 1–22.
- Martinet 1960 – Martinet A. Éléments de linguistique générale. Paris: Colin, 1960. 224 p.

References

- Alpatov, V.M. (1979), *Struktura grammaticheskikh edinits v sovremennom yaponskom yazyke* [Structure of Grammatical Units in Modern Japanese], Nauka, Moscow, Russia.
- Alpatov, V.M. (1982), “On the Two Approaches to Delimitation of Main Language Units”, *Voprosy yazykoznaniya*, 6, pp. 66–73.
- Alpatov, V.M. (1985), “Refining the Notions of Flective and Agglutinative Languages”, in Vardul’ I.F., Solntsev V.M. (eds.), *Lingvisticheskaya tipologiya*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 92–101.
- Alpatov, V.M. (1993), “On Anthropocentric and Systemocentric Approaches to Language”, *Voprosy yazykoznaniya*, 3, pp. 15–26.
- Alpatov, V.M. (2019), *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Theories], 5th ed., Yurait, Moscow, Russia.
- Alpatov, V.M. (ed.) (1990), *Chasti rechi. Teoriya i tipologiya* [Parts of Speech: Theory and Typology], Nauka, Moscow, Russia.
- Filin, F.P. (1970), “On Some Philosophical Issues in Linguistics”, in: Filin F.P. (ed.), *Leningizm i teoreticheskie voprosy yazykoznaniya*, Nauka, Moscow, USSR.

- Hawkins, J.A. (2004), *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Hockett, Ch.F. (1963), "The Problem of Universals in Language", in Greenberg J.H. (ed.), *Universals of Language*, The M.I.T. Press, Cambridge, Mass., USA.
- Yakhontov, S.E. (2016), "On the Meaning of the Term 'Word'", in Kolpachkova E.N. (ed.), *Problemy kitaiskogo i obshchego yazykoznaniya. K 90-letiyu S.E. Yakhontova*, Studiya NP-Print, Saint Petersburg, Russia, pp. 109–16.
- Kibrik, A.E., Kodzasov, S.V., Olovyannikova, I.P. and Samedov, D.S. (1977), *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka. T. II. Taksonomicheskaya grammatika* [An Essay in Structural Grammar of the Archi Language. Vol. II. A Taxonomic Grammar], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Martinet, A. (1960), *Éléments de linguistique générale*, Colin, Paris, France.
- Mel'chuk, I.A. (1997), *Kurs obshchei morfologii. T.I. Slovo* [A Course in General Morphology. Vol. I. Word], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Peshkovskii, A.M. (1956), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the Scientific Approach], 7th ed., Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, Moscow, Russia.
- Plungyan, V.A. (2003), *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General Morphology. An Introduction], 2nd ed., URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Яков Г. Тестелец, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yakov_ts@mail.ru

Information about the author

Yakov G. Testeleets, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yakov_ts@mail.ru